

SUMMARY

B. V. Prokopenko. New world view reference-points of megascience are under influence of modern of convergence technologies.

In the article given it a shoot analysis of world view reference-points of science on the stages of development. The new world view reference-points of megascience come to light as the modern stage of development of society. Essence of them consists of the following: creation of scientific picture of the world, change of world view orientations, what be going on under influence of study science of the difficult humankind systems and NBICS- technologies.

Keywords: science, techscience, megascience, convergence, convergence of technologies, convergence technologies, technological convergence, NBICS-convergence.

УДК 14:001.8:159.9

М. М. Орищенко

Сумський державний педагогічний
університет імені А. С. Макаренка

КРИЗИС В ПСИХОЛОГИИ (ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

В статье предпринята попытка комплексного философского анализа кризисного состояния психологической науки. Рассмотрены и обобщены достижения исследователей данной проблемы. Сделана попытка проанализировать динамику и направленность роста научного знания в психологии.

Ключевые слова: кризис, психология, парадигма, рост научного знания.

Вопросы будущего психологической науки и перспектив ее развития тем больше занимают научное сообщество, чем дольше стоит на повестке дня вопрос о причинах ее современного состояния. Все большая атомизация психологических школ и растущий разрыв между научной теорией и практикой в психологии, вероятно, нуждается в глубоком историческом и философском анализе роста научного знания в рамках психологической науки. «Все увеличивающийся разрыв практики и теории в этой области психологии (психология личности) грозит самыми плачевными последствиями для всей психологической науки» [8, 114].

Целью данной статьи является рассмотрение современного состояния психологии сквозь призму современных концепций философии науки. Предпринимается попытка проанализировать динамику и направленность роста научного знания в психологической науке.

Наиболее пристальное внимание к процессам развития науки и психологии в том числе, связано, прежде всего, с зарождением позитивизма в философии науки. В связи с данной проблематикой, среди прочих стоит выделить работы К. Поппера, И. Лакатоса, Т. Куна и П. Фейерабенда.

Проблемами современной психологической науки, в том числе проблемой кризиса, занимаются: Р. Фаулер, З. Кох, Э. Хилгард, Д. Кранц, В. А. Мазилев, Е. Д. Хомская, Н. И. Чуприкова и др.

Сегодняшняя психологическая наука отличается отнюдь не отсутствием объединяющей все направления глобальной теории. «Современная психология страдает (об этом в первую очередь свидетельствует кризис) от взаимного непонимания психологов, принадлежащих различным направлениям и школам, а также от отсутствия содержательной конструктивной коммуникации» [5, 24]. На чем же базируется данное «непонимание»? Т. Кун указывает на зависимость роста научного знания и зависимость круга поставленных научным сообществом проблем от социального и исторического контекста, а также личности ученого (психологический аспект). «Формообразующим ингредиентом убеждений, которых придерживается данное научное сообщество в данное время, всегда являются личные и исторические факторы - элемент по видимости случайный и произвольный» [3, 21]. Таким образом, возникая в разных исторических и социально-культурных обстоятельствах, различные психологические теории и школы в своих научных исследованиях по-разному подходили к предмету и методологии.

В своей концепции Кун широко использует термин «нормальная наука». «Термин «нормальная наука» означает исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений – достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности» [3, 28]. Вместе с термином «нормальная наука» Кун активно использует понятие «парадигма». Производство ряда научных открытий «было в достаточной мере беспрецедентным, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований. В то же время они были достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида. Достижения, обладающие двумя этими характеристиками, я буду называть далее «парадигмами», термином, тесно связанным с понятием «нормальной науки» [3, 28].

Другими словами «нормальная наука» базируется на парадигме, как наборе научных проблем (которые кажутся наиболее важными в рамках данного научного сообщества) и способов их решения (методологии). Можно ли выделить такую парадигму в психологической науке? Очевидно, что свой «донаучный период» психология провела в лоне философии. Появление же первой собственно психологической парадигмы стоит связывать с деятельностью В. Вундта. Систематизировав работы своих предшественников и опираясь на естественнонаучные методы исследования, Вундт сумел объединить и выделить психологию в самостоятельную науку. Безусловно, данная парадигма была довольно шаткой и в основном опиралась на достижения и методологию смежных дисциплин. Данная

парадигма делала упор на исследование физиологии нервных процессов, опуская проблемы могущие пошатнуть шаткое равновесие, возникшее с ее появлением. Такое равновесие, продлившееся до конца XIX века можно считать периодом «нормальной науки» в психологии.

Кризис парадигмы, сложившийся в рамках психологии Вундта, вероятно следует связывать с ее неспособностью объяснить и объективно исследовать феномен сознания. С точки зрения Куна, это обусловлено тем, что «учёные в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими» [3, 50]. Связано это с самой структурой научной школы и особенностями коммуникации в ней. Как отмечает Р. Коллинз, научная школа – это «сеть личностных отношений, из которых наиболее важную роль играют отношения между учителями и их учениками» [2, 114]. Поэтому переход к новой теории может расцениваться как предательство. Исследования направлены на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает. «Но если Кун рассматривает этот феномен как «нормальный», то К. Попперу он представляется «опасным» для науки и даже для нашей цивилизации в целом. «Нормальная деятельность» в науке в понимании Куна кажется его критикам скучной, неинтересной, не отражающей сути научного творчества, а потому очень трудно признать такой род деятельности естественным, нормальным, главным в истории науки. Возражения вызывает трактовка труда ученого в период нормальной науки как механической или даже алгоритмизированной деятельности» [6, 282-283]. Следует отметить, что рассматривая позиции разных ученых на этот счет, можно, отчасти, согласиться и с позицией сторонников и точкой зрения противников «нормальной науки» по Куну. Нормальная наука обеспечивает экстенсивное развитие парадигмы, расширяет область ее применения и в этом плане является, безусловно, прогрессивной на определенном этапе развития науки. При этом видится, что именно сама научная практика в период существования «нормальной науки» постепенно подводит научное сообщество к точке, в которой для части этого научного сообщества становится очевидной невозможность дальнейшего экстенсивного пути. Кроме того, в результате расширения области применения парадигмы появляется ряд так называемых «белых пятен», т.е. вырисовывается круг проблем, решение которых затруднительно или вовсе невозможно в рамках существующей парадигмы. Количество таких проблем и степень их важности для развития науки в целом к концу периода «нормальной науки» больше не позволяет отмахнуться от них как несущественных. Часть научного сообщества начинает исследовать эти новые проблемы, являвшиеся *terra incognita* для господствующей парадигмы, подбирая методом проб и ошибок новые методы исследования. Так формируется кризис – предтеча научной революции. Но пока революция не случилась, парадигма пытается отстоять свои позиции, пытаясь решить новые проблемы старыми методами, а также опираясь на авторитет

виднейших ученых сообщества, определяющих всей своей научной деятельностью сложившуюся парадигму.

Другими словами, согласно Куну кризис парадигмы заключается в неспособности ответить на актуальные научные проблемы средствами старой методологии. Так ли обстоит дело в современной психологической науке? Безусловно, ограничившись узким кругом актуальных для своего направления проблем, изолированные психологические школы оказываются неспособны ответить на вопросы, задаваемые и с разным успехом решаемые в рамках других психологических направлений.

Возникшие и развивающиеся в психологии в начале XX века теории пытались ответить на вопросы, которые не ставила парадигма ранней психологии. Этот период принято называть кризисом в психологии. М. Вертгеймер, К. Коффка, К. Левин, Дж. Уотсон, З. Фрейд, В. Дильтей, Э. Шпрингер и др. своими экспериментами меняли понимание предмета и методов психологического исследования. Пытаясь преодолеть механистический атомизм, антиисторизм, субъективизм, интеллектуализм старой психологической парадигмы они положили начало целому ряду течений и школ в психологии: психоанализу, бихевиоризму, гештальтпсихологии, французской социологической школе, «понимающей» психологии [1, 5]. Но главным разрушителем парадигмы стал, пожалуй, З. Фрейд и его психоанализ. Психоанализ предложил совершенно новую методологию исследования в психологии. «Различия в методе – между измерением и свободной ассоциацией, между научным наблюдением и клиническим вмешательством, между статистическим анализом и герменевтической интерпретацией, между объективностью и субъективностью – предопределили то, что психология и психоанализ создали радикально различные знания» [11, 449].

В «дореволюционный период» парадигма пытается отстоять свои позиции, решая новые проблемы старыми методами, опираясь на авторитет виднейших ученых сообщества. Однако рано или поздно данная область науки переживает период научной революции. Т. Кун видит революцию следующим образом: «Когда специалист не может больше избежать аномалий, разрушающих существующую традицию научной практики, – начинаются нетрадиционные исследования, которые, в конце концов, приводят всю данную отрасль науки к новой системе предписаний (commitments), к новому базису для практики научных исследований» [3, 22-23].

Итоговый триумф новых психологических школ определил новый облик психологической науки на все XX столетие. Но была ли создана новая парадигма? Ряд западных историков психологии видят такой парадигмой психоанализ. Однако дальнейшее развитие и процесс институализации этих новых теорий не дает нам возможности прийти к такому однозначному выводу. Пройдя ряд трансформаций почти все из «революционных» теорий существуют и сегодня (психоанализ, бихевиоризм, гуманистическая психология и др.). При этом Е. Д. Хомская указывает, что «в отечественной

психотерапии ни одна из концепций личности не может претендовать на статус общепризнанной» [8, 114]. Что же помешало одной из школ взять верх и стать парадигмой? Дело, вероятно, состоит в том, что ни одно из перечисленных направлений не смогло полно и обоснованно ответить ни на один из поставленных ими же вопросов. Ни одна из школ не представила экспериментов, доказывающих свои положения, а значит возникают сомнения в самом процессе их верификации и дальнейшей институализации.

Какой же мы видим психологию в начале XXI века? Как развивалась психологическая наука в XX веке? Каждая из психологических школ дает свое видение человека, роли сознательного, бессознательного и психической жизни в целом. В. А. Мазиллов отмечает: «Как любая наука, призванная адекватно объяснить свой предмет, психология претендует на создание теории психического. И, будучи честной перед собой, она признает: модели, которые она продуцирует, пока весьма далеки от того, чтобы дать непротиворечивую картину психической жизни человека во всей ее полноте и сложности. Если оказывается, что наука ее упрощает, подвергает редукции, сводит к каким-то частным проявлениям, то именно это обстоятельство и заставляет говорить о наличии кризиса в психологии» [5, 24].

Ряд как отечественных, так и зарубежных психологов и историков психологии усматривают методологическую природу кризиса психологической науки. Е. Д. Хомская считает, что «обсуждение методологических проблем современной психологии весьма актуально, так как наличие методологических трудностей в различных отраслях психологии — уже случившийся факт, осознание которого полезно и для общей оценки состояния современной психологии, и для прогноза ее будущего развития» [8, 112]. В отклике на статью Е. Д. Хомской Н. И. Чуприкова, соглашаясь в целом с поставленным диагнозом, отмечает наличие «очередного методологического кризиса, возникшего в отечественной психологии» [10, 126]. «С тем, что в современной психологии существуют «острые теоретические и методологические трудности и противоречия», был согласен и В. В. Давыдов. Об этом же писали в последние годы К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, В. П. Зинченко, О. К. Тихомиров и мн. др. Кризис в психологии зафиксирован и зарубежными авторами» [5, 24]. Но только ли в методологии лежит причина современного кризиса?

Вероятно, кризисное состояние психологической дисциплины сегодня, берет свои истоки в начале XX века. Зародившиеся тогда и дошедшие с некоторыми изменениями до наших дней психологические школы по-разному смотрят на саму природу человека, то есть по-разному видят предмет своего исследования. «Одновременно сосуществуют разные «философии человека», предлагающие разные техники воздействия на личность пациента и по-разному объясняющие их результаты» [8, 114]. Очевидно также, что за XX столетие каждое из направлений выработало свой «язык», таким образом, каждое из направлений по-разному трактует даже ключевые понятия своей дисциплины, что затрудняет диалог. «Сторонники

различных теорий подобны, вероятно, членам различных культурных и языковых сообществ» [3, 267]. «Представители разных парадигм не используют одну и ту же методологию, а зачастую – одни и те же данные. Они говорят на разных языках, используя свой собственный категориальный аппарат» [7, 116]. Е. Д. Хомская указывает на то, что в современной психологической науке «сосуществуют явно противоречивые теоретические концепции личности, интерпретирующие практические результаты с диаметрально противоположных позиций» [8, 114].

Отсутствие в полипарадигмальных науках общепринятых критериев значимости достижений и признания, а также невозможность быть в курсе достижений всех «школ» научной мысли ввиду ограниченности способностей, обуславливают концентрацию внимания ученых в первую очередь на происходящем внутри своих научных школ и сетей [2, 129].

Пришедший на смену логическому позитивизму постпозитивизм определил своим критерием парадигмальности, т.е. научности принцип фальсификации. Выдвинутый основателем постпозитивизма К. Поппером принцип фальсификации понимается как принципиальная опровержимость любой теории как основной критерий ее научности. Выше дано определение парадигмы одного из последователей К. Поппера, Т. С. Куна. Суммируя все вышесказанное, следует отметить, что парадигма по Куну – это, безусловно, порождение науки, а значит должна поддаваться фальсификации. Но фальсифицируемы ли парадигмы сложившиеся в рамках современной психологии?

Если исходить из принципов попперовского фальсификационизма, то процесс фальсификации как современных, так и предшествующих им психологических теорий довольно затруднителен, поскольку сама постановка фальсифицирующего эксперимента невозможна. Последователь К. Поппера Имре Лакатос, развивая взгляды основателя постпозитивизма, указывал, что в самой структуре психоаналитической теории заложена ее нефальсифицируемость, но при этом указывал, что при определенных обстоятельствах теория З. Фрейда и его последователей может пройти проверку на научность. При этом Лакатос смягчает строгость принципа попперовского фальсификационизма. Лакатос указывает на недостаточность одного лишь эксперимента для опровержения теории, для ее фальсификации необходимо существование альтернативной гипотезы. Кроме того, Лакатос еще больше усложняет процесс фальсификации. В его теории научно-исследовательских программ, жесткое ядро программы окружено защитным поясом. Философ указывает, что в интересах защиты жесткого ядра программы защитный пояс может быть полностью изменен. Другими словами, фальсификации поддаются только утверждения, составляющие защитный пояс программы. Таким образом, жесткое ядро теории может защищаться на протяжении значительного промежутка времени ценой даже полной замены защитного пояса, хотя сама программа может быть ложной. При этом программа не отрицается полностью даже тогда, когда появляется

более успешная альтернатива. Несколько программ могут сосуществовать, поочередно занимая лидирующие позиции в рамках научной дисциплины. В данном утверждении содержится главное различие в видении процесса роста научного знания Лакатосом и Куном.

Кун, будучи сторонником кумулятивизма, не предполагал параллельного сосуществования нескольких парадигм в рамках одной дисциплины. Временное сосуществование парадигм по Куну обусловлено конкуренцией в рамках кризисного периода в развитии дисциплины и неизбежно заканчивается победой одной из соперничающих парадигм.

Следует заметить, что понятие «научно-исследовательская программа», широко используемое в работах Лакатоса, похоже по значению на куновскую парадигму. На сходство данных понятий в своих статьях указывал и сам Кун. «Я неоднократно подчеркивал, например, что важные научные решения, обычно описываемые как выбор между теориями, более точно выразимы как выбор между «формами научной работы», между «традициями» или между «парадигмами». Утверждение Лакатоса, что единицей выбора является «научно-исследовательская программа», на мой взгляд, говорит то же самое» [4, 349]. Сходными являются и взгляды ученых на необходимость демаркации науки и метафизического знания.

Пол Фейерабенд, сформировавший свои взгляды в полемике с К. Поппером и его последователями, выступает с жесткой критикой фальсификационизма. Философ указывает на отсутствие объективных методологических правил, которые могли бы быть приняты всем научным сообществом. Соглашаясь с замечаниями П. Фейерабенда, следует все же указать на важность демаркации, которая обусловлена, прежде всего, объективной необходимостью отделить науку от не науки. Отсутствие сколько-нибудь четкого разделения лишает научное сообщество критериев, по которым можно определить научную перспективу теории или гипотезы. При этом, безусловно, стоит вопрос о поиске и максимальной степени объективности и универсальности такого метода. Следует также говорить о той тонкой грани, которая порой отделяет научное знание от ненаучного или метафизического.

Фейерабенд, отмечая замкнутость и ограниченность парадигмы, так описывает деятельность ученого в ее рамках: «Его воображение ограничено, и даже язык не является его собственным» [9, 39]. Таким образом, ученый становится заложником парадигмы. Дабы быть принятым в научное сообщество, он должен использовать принятую в рамках парадигмы методологию и изучать круг заранее очерченных проблем.

Таким образом, проведя анализ исторической динамики и текущего состояния психологической науки, мы констатируем сложную и многофакторную структуру сложившегося кризиса. Кризис, очевидно, носит не только методологический характер. Текущее состояние психологической науки обусловлено ее развитием на протяжении всего XX века. Процесс атомизации психологических школ обусловил сложность

межпарадигмального діалога всередині психологічної науки. Очевидно, що слабка комунікація не могла спровокувати по справжньому серйозній конкуренції між течіями. Аналіз теорій зростання наукового знання, які виникли і розвивалися в межах філософії науки, підводить нас до висновку, що саме конкуренція між парадигмами детермінує прогрес науки. Таким чином, опускаючи дискусію про науковість ряду психологічних напрямків можна передбачити, що рішенням кризи може стати більш глибокий діалог між течіями і розробка єдиної платформи для розвитку психології на новому етапі.

ЛИТЕРАТУРА

1. История психологии (10-е – 30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты. – 2-е изд. / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 364 с.
2. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Рэндалл Коллинз; [пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм]. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.
3. Кун Т. Структура научных революций / Томас Кун; [пер. с англ. И. З. Налетова]. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
4. Лакатос И. Методология исследовательских программ / Имре Лакатос; [пер. с англ. В. Н. Поруса, А. Л. Никифорова]. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380, [4] с.
5. Мазилев В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века / Владимир Александрович Мазилев // Психологический журнал. – 2006. – №1. – С. 23-35.
6. Микулинский С. Р. Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций» / С. Р. Микулинский, Л. А. Маркова // Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – С. 274-292.
7. Олейник А. Н. Научная коммуникация на стыке парадигм / А. Н. Олейник // Общественные науки и современность. – 2008. – №2. – С. 116-128.
8. Хомская Е. Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии, – 1997. – №3. – С. 112-125.
9. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пол Фейерабенд; [пер. с англ. А. Л. Никифорова]. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2007. – 413, [3] с.
10. Чуприкова Н. И. Какой должна быть сегодня научная психология? // Вопросы психологии, 1997. – №3. – С. 126-127.
11. Hollway W. Family Figures in 20th Century British «Psy» Discourses // Theory & Psychology, 2006. – Vol. 16 (4). – P. 443-464.

РЕЗЮМЕ

М.М. Орищенко. Криза в психології (філософський аналіз).

У статті зроблено комплексний філософський аналіз кризового стану психологічної науки. Розглянуті і узагальнені досягнення дослідників даного

питання. Зроблено спробу проаналізувати динаміку і спрямованість росту наукового знання в психологічній науці.

Ключові слова: криза, психологія, парадигма, зростання наукового знання.

SUMMARY

M.M. Oryshchenko. The Crisis in Psychology (Philosophical Analysis).

In the article a comprehensive philosophical analysis of the crisis in the science of psychology is taken. Research achievements of the issue were reviewed and summarized. An attempt to analyze the dynamics and direction of growth of scientific theory in psychology was also made.

Key words: crisis, psychology, paradigm, the growth of scientific knowledge.

УДК 1:159.964.26

А. В. Вертель

Сумской государственной педагогический университет имени А. С. Макаренко

ЖАК ЛАКАН: ОТ ФАНТАЗМОВ ВООБРАЖАЕМОГО К ПОИСКУ СОЗНАНИЯ

В статье анализируется комплекс вопросов, связанных с пониманием и интерпретацией проблемы сознания в структурном психоанализе Ж. Лакана. Изложены основные положения психоаналитической философии сознания, показана динамика развития психоаналитических идей в системе Реальное – Воображаемое – Символическое.

Ключевые слова: Реальное, Воображаемое, Символическое, субъект, фантазм, стадия зеркала.

Актуальность темы исследования определяется несколькими позициями: во-первых, важностью критического исследования проблемы сознания в философии вообще и в структурном психоанализе в частности; во-вторых, необходимостью адекватного включения психоаналитических идей в общую картину философских представлений о человеческой природе; в-третьих, всевозрастающим интересом к психоанализу в современном обществе.

Целью статьи является попытка обозначить сложившийся в психоанализе Ж. Лакана подход к проблеме сознания. В настоящее время можно говорить о том, что сформировалась определенная парадигма интерпретации лакановского психоанализа. Необходимо выделить основные центры изучения его наследия во Франции это – А. Бадью, Ф. Дольто, К. Клеман, С. Леклер, Ж.-А. Миллер, М. Сафуэн; в Великобритании – М. Боуи, С. Кэй, Д. Мэйси, М. Саруп, Дж. Форрестер; в США – Ж. Айерза,